

Наташа Семёнова

Лицей № 2, 9 класс
.....

Все оттенки розового

*Розовые облака плыли по городу,
Заглядывали в окна*

И капли розовые на них оставляли.

Юля Москвина, 2003 г.

Сегодня необычайно красивый рассвет. Из тех, что пылают на небе огнём революции, знаменующая зарождение новой, лучшей жизни, начало совсем иной истории. Есть в нём какая-то очищающая душу красота, которая даёт надежду на то, что когда-нибудь всё изменится. Именно то, в чём я нуждаюсь сейчас. Оторвать взгляд от неба кажется непосильной задачей. Какое-то обыкновенно-необыкновенное утро. Розовые облака перетягивают внимание от серости панельных домов — сейчас город выглядит красиво и даже несколько сказочно.

От размышлений о жизни и созерцания расцветного неба сквозь стекло в кабинете математики меня отвлекает одноклассник. Подсаживается ко мне, пихая локтем в рёбра, его голос грубо возвращает меня обратно в класс:

— Чего в окно пялишься? Тему пропустишь, а потом лишнее занятие у репетитора брать будешь?

Как будто вся жизнь вертится вокруг математики. Есть вещи и поважнее. Я по-прежнему не отрываю взгляд от неба и отстранённо говорю: — Рассвет красивый сегодня. Немного можно и пропустить.

Он смотрит в окно. Молчит. А я тихо радуюсь: кто-то видит то же самое, что и я, есть с кем разделить это.

— Ничего необычного. Такое же утро.

Я в недоумении скашиваю на него глаза. Серьёзно?

— Получше посмотри. Должен почувствовать разницу.

Опять смотрит в окно. Молчит. Хоть бы увидел. — Всё равно так же. Вчера, сегодня, завтра — каждый день одинаково.

И когда люди разучились видеть красивое?

А розовые облака всё плывут по небу, заглядывают в окна, безмолвно и тщётно просят людей: «Взгляните на нас!» И люди смотрят. Тысячи людей наверняка сидят сейчас у себя в квартирах, пьют кофе, смотрят в окно, встречая очередное утро. Вот только не видят ничего, кроме своих проблем.

А я смотрю на то, каким румяным становится мир в утреннем свете, как золотистый луч красиво переливается, падая на лицо учительницы математики и отбрасывая причудливые тени. Как солнце путается в косах девчонки прямо передо мной, едва ощутимо греет кончики пальцев на парте. Стекает по стенам, ползёт по столам и людям. И всё вокруг такое красивое, хотя с виду и правда обычное.

А потом всё заканчивается, солнце взошло, и только лёгкая розоватая дымка напоминает о рассвете.

Но красота остаётся. Наверное, и правда она — в глазах смотрящего.

Слава Малышев

Литературный лицей, 7 класс
.....

Дорога жизни моего прадедушки

Двадцать второго ноября 2019 года исполнилось семьдесят восемь лет с начала открытия «Дороги жизни», которая во время Великой Отечественной войны была единственной транспортной магистралью через Ладожское озеро, связывающей блокадный Ленинград с Большой землёй. Люди, жертвуя собой, предприняли попытку пройти по льду Ладоги, чтобы спасти ленинградцев, умирающих от голода в своих холодных квартирах. Спасибо тем, кто спасал, а ещё тем, кто помнит, как это было.

Мой прадедушка, Ильин Александр Никитович, 1910 года рождения, работал шофёром на военно-автомобильной дороге Ленинградского фронта «Дорога жизни». Был участником автоколонны полуторок, вышедших на ладожский лёд в ночь на двадцать второе ноября 1941 года.

Из воспоминаний: «Первый раз без приключений приехали в деревню Кобона. Погрузились

мукой и поехали в Ленинград, на склад. После разгрузки машины тщательно проверяли, не вывозятся ли продукты. За вывоз продуктов наказывали по законам военного времени. После первого рейса движение было регулярным».

Дед рассказывал своей дочери, моей бабушке, что в тот первый год войны были сильные морозы. Машины по дороге через Ладогу по приказу командования двигались с открытой дверью, чтобы водители могли успеть выпрыгнуть из кабины в случае налёта или ухода машины под лёд. Некоторым водителям это действительно удавалось. От холода к варежкам примерзали ладони, люди обмораживали ноги.

Порою не видно было воронок, дороги перемерзло, из-за этого часто сбивались с пути. Весной лёд таял, образовывались полыньи, машины шли по колее, залитой водой, и не было видно, где поджидает смертельная опасность. Колонны машин постоянно бомбили фашисты. Кому-то эта дорога подарила шанс на спасение, но много людей погибло под обстрелами или утонуло, провалившись с машиной под лёд.

Мой прадедушка мужественно переносил тяготы. На его глазах машины уходили под лёд, а он ехал...

До войны дедушка жил в Ленинграде, работал на заводе. Семья — жена, сын и сестра — во время блокады осталась дома.

Город постоянно подвергался бомбардировкам. Воздушная тревога звучала практически

не умолкая. Вернувшись из очередного рейса, прадедушка лёг спать. Зазвучала воздушная тревога. Надо было бежать в бомбоубежище. Жена схватила сына, но мужа разбудить не смогла. Прадедушка, смертельно уставший, сказал, что пусть его лучше здесь убьют. Позже прадедушка узнал, что его семья погибла, не добрав до бомбоубежища несколько метров, рядом с ними упал снаряд. Сестра его умерла от голода в блокаду. Родители умерли ещё до войны. Так он потерял всех родных...

В январе 1943 года прадедушка был тяжело ранен в левое плечо. Он рассказывал моей бабушке, что в полевом госпитале ему делали операцию, обезболивающих лекарств не было, и перед операцией ему дали выпить стакан водки. Сначала хотели ампутировать руку, но потом хирург (он его всю жизнь вспоминал с благодарностью) вытащил осколки и руку сохранил.

Прадедушке повезло, он остался жив. Лично им было перевезено в Ленинград много машин продовольствия, а из Ленинграда — грузы, предназначенные для фронта.

Фотография моего прадедушки размещена на аллее Славы в деревне Кобона.

После госпиталя прадедушку отправили в санаторий на Северном Кавказе, где он познакомился с моей прабабушкой. После войны жили в Судаче. Прадедушка работал секретарём горкома партии.

Был коммунистом, прожил достойную жизнь, воспитал четырёх дочерей.

Умер в 1988 году.